

КОМУ И КАКАЯ КНИГА ДЛЯ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ НУЖНА СЕГОДНЯ?

Лет пять-шесть назад я, раздосадованная очередным «обломом» в очередном издательстве, начала писать статью «Нужна ли современной России книга для семейного чтения?» И не закончила – уж не помню, по какой причине. Сегодня серия книг для семейного чтения под общим названием «Путешествия с Архивариусом», начатая еще в 1998 году, наконец, с Божией помощью вроде как сдвинулась с места. А я отыскала старый текст в архиве, чтобы сказать будущим читателям, что эти книжки стоит приобрести и читать вместе с детьми по вечерам. Перечитала – и увидела, что за прошедшие немногие годы так многое изменилось, что и пафос, и аргументы той статьи уже звучат как анахронизм. А вот проблемы остались – и не сдвинулись ни на шаг, скорее усугубились. Я еще раз подивилась стремительности, с какой меняется Россия – и весь окружающий мир, и еще раз поняла: пока живешь – делай, что должен, доводи всякое дело до конца, потому что все, что ты оставишь на полпути, может остаться незаконченным.

Но вернемся к теме. Как ни странно, детские книги не утратили популярности. Их выпускают. Их покупают. Их читают. Читают своим детям те, кому их читали в детстве. Другие норовят подсунуть ребенку гаджет с забавным приложением или аудиокнижку. Третьи... третьи и сами не читают, и детей не учат. И убеждать их в том, что в семейном чтении самое важное – это живое общение, которое семейное чтение организует и стимулирует, бесполезно. А главное – поздно. Время упущено. Сегодня в родители выходит то самое «потерянное поколение» 1990-х, чьим папам и мамам было не до семейного чтения. Вечером по возвращении домой дай Бог что-то сунуть чаду в рот и вмертвую свалиться в тяжелый сон. Именно их сегодня, когда отдышались и становятся дедами и бабушками, можно попытаться соблазнить – заманить, заинтересовать. Снова ввести семейное чтение в моду. И именно на них сделать ставку. Для них писать эти самые книжки.

Так стало ясно, кому – в первую очередь – эти книжки нужны. И почему в моей первой книжке появился старый Архивариус, как раз подходящий на роль деда, а не родителя.

А еще я за прошедшие годы поняла, *какими* должны быть книги для семейного чтения. Чем по содержанию отличаются от детских и чем – от школьных учебников, хотя в них есть задания, вовлекающие читателя в разговор. Почему в них преобладают диалоги. Почему на равных сосуществуют текст, реальные фотографии или репродукции и рисованные, как в комиксах, персонажи. Впрочем, об это говорила еще Алиса – та, что гуляла по Стране Чудес: «Какой смысл в книжке, если в ней нет диалогов и картинок?» Цитирую по памяти, но за смысл ручаюсь.

Мне кажется, что книги серии «Путешествия с Архивариусом» заложили основы нового жанра – это *интерактивная книга-альбом для семейного чтения*. Наверное, кто-то напишет лучшие книги в этом жанре и точнее сформулирует требования к ним. Успокаивает одно: он сможет использовать мой опыт, не повторяя мои ошибки, – и пусть мой труд послужит первой ступенькой лестницы, ведущей все-таки вверх.

Вообще-то для семейного чтения подходят любые хорошие книжки. Мне, как большинству детей предвоенного поколения, повезло. Мы росли в эпоху замечательного расцвета детской литературы. Герои Сергея Михалкова, Маршака, Агнии Барто, Чуковского и других очень талантливых писателей были нашими друзьями. Когда моя мама не смогла купить мне «Мойдодыр», она переписала книжку печатными буквами, перевела через копирку и раскрасила рисунки. Я и сегодня помню эту книжку-самоделку, самую-пресамую любимую из всех, сгоревшую вместе с другими моими книжками и игрушками в январе 1942 года в осажденном Ленинграде.

В эвакуации мне тоже повезло. Каким-то чудом в совхозе Гериханово (если не ошибаюсь, - пишу по памяти, - в Дагестане, в районе Буйнакска) маме удалось достать школьную хрестоматию по литературе. И вечерами она читала вслух отрывки из русской классики. Почему-то больше всего помнятся сказки Салтыкова-Щедрина – про премудрого пескаря и мужика, который двух генералов прокормил, и сон Ильи Ильича Обломова. Но наверняка были там Пушкин, Лермонтов, Гоголь. И в школе я встретилась с ними как с родными и давно любимыми.

В моем детстве не было ни одной специальной книжки для семейного чтения. Особой книжки особого жанра. А вот сегодня, я уверена, такая книжка нужна. И жанр этот будет развиваться. Не знаю – долго ли, но будет.

Такая книжка не для самых маленьких – для них пишутся детские книги. Не для юношества – они выбирают книжки сами, если мы их не упустили и приучили к чтению. Эта книжка для родителей, дедушек и бабушек - и детей самого трудного переходного возраста, когда так важно не дать разорваться кровным ниточкам, соединяющим с семьей эту прожорливую, любопытную, невероятно подвижную и норовящую ускользнуть личинку, у которой чешется и болит свежая кожица, обнажающаяся под лопающейся младенческой оболочкой. То как бы вторично нарождающееся существо, которое еще не умеет управлять своим внезапно выросшим новым незнакомым телом, порой обжигающим новыми, незнакомыми острыми ощущениями. А потому в женском варианте вертляво, болтливо, страшно озабочено своей внешностью, а в мужском нарочито грубо и нетерпимо к любой попытке покушаться на его независимость. Оно ненавидит нотации и поучения, сюсюканье и пафос в любой упаковке. И в обоих вариантах невероятно застенчиво. В эту пору любое прикосновение может причинить боль, любой вопрос воспринимается как провокация. Ложь и фальшь ощущаются как ожог, а порой мерещатся там, где ими и не пахнет. В то же время именно в этом возрасте человеку как никогда до и после необходимы тепло участия и общения, доброта и понимание. Но именно оно, это

маленькое существо без кожи, всем сердцем тянущееся к людям, и прежде всего – близким людям, весьма и весьма недоверчиво. Попробуй к такому подъехать без кривой козы!

Вот такой «кривой козой» может послужить семейное чтение. Только начинать его нужно не тогда, когда чаду стукнуло 14 и оно уже попробовало радостей приклатненного братства или попало в зависимость от компа, привыкло часами резаться в стрелялки или просиживает в сетях дни и ночи. Семейное чтение надо начинать тогда, когда дитя только учится говорить первые слова, и детские книжки с картинками могут и должны стать первыми его путеводителями по огромному миру за стенами комнаты.

Первые особые *книги для семейного чтения* могут появиться в семье с детьми старшего детсадовского и младшего школьного возраста – когда начинается отрочество. И кончается этот период, когда оно, отрочество, заканчивается. Потому что у юности свой мир и свои законы отношений с ним и с окружающими. Хотя и позже сохраняются определенные сферы, в которых семейное чтение может иметь место. Например, подготовка к совместному путешествию или какому-то совместному же трудовому подвигу. А может, и еще какие-то, пока не знаю.

Эти особые книги имеют явный обучающий контекст. Но они не должны – ни в коем случае – дублировать учебники. И в то же время не могут их игнорировать. Они дополняют процесс образования, но при этом совершенно по-особому. Потому что сохраняют особенности семейного образования. Те, что пришли к нам из далеких – чуть ли не пещерных глубин времени, когда обучением молодняка первобытной человечьей стаи занимались старейшины. Так когда-то нас обучали наши бабушки. И еще раз повторю: мне повезло. Историю Отечества конца XIX – первой половины XX века я узнавала от своей бабушки – Марии Ивановны Пикиной, питерской дипломированной (да-да!) гладильщицы тонкого дамского белья, когда-то свободно говорившей на немецком и французском и познавшей русскую грамоту в школе ликбеза в возрасте сорока пяти лет. За успехи, кстати, награжденной столовым сервизом. Который тоже пропал в блокаду. А вот переломить бабушкину версию отечественной истории не сумели ни идеологические усилия сталинской эпохи, ни деидеологические ухищрения эпохи демократизации 1990-х годов. Почему? Прежде всего потому, что она была очевидцем и участником многих событий, человеком острого взгляда и природного ума, очень честным и порядочным. И я ей доверяла, хотя были моменты – те самые, подростковые! – когда мы спорили до слез, до обещания никогда с ней на эти темы не разговаривать, до смешных взаимных обвинений.

Ну вот почему те знания, которые приходят к нам в семье, те нравственные установки и императивы, которые мы в ее лоне усваиваем, как говорят, впитываем с молоком матери, остаются с нами всю оставшуюся жизнь? Что придает им такую прочность?

Да в первую очередь потому же, почему человек овладевает более чем девяноста процентами информации о мире в младенческом возрасте, в то

время как на остальные 5-6 процентов у него уходит целая жизнь. В эти первые годы он поглощает образ мира целостно, а не аналитически, разделенным на части, как в школе: урок физики, урок математики, урок географии. Он поглощает образ яркий, полнокровный, а не высушенно абстрагированный, загнанный в понятия и формулы. В активном добровольном сердечном общении, а не в пассивном принудительном порядке. В этих семейных разговорах «обо всем на свете», которые так любят наши дети всех возрастов, господствует ассоциативное начало, отвлечение здесь приветствуется и оборот «а кстати, знаешь ли ты?» - один из самых употребительных. Так же как споры, маленькие провокации, крючки, цепляющие за живое любопытство. И еще Бог знает, что. А главное – то доверие и та любовь, которые связывают того, кто передает свой опыт и свои знания о мире, и того, кто их получает.

Да разве можно смоделировать этот процесс? – спросите вы.

Наверное, нельзя. Но попытаться внести в текст книжки для семейного чтения какие-то его элементы - можно. Построить этот текст так, чтобы главным в нем был яркий целостный образ мира, постепенно разворачивающийся перед глазами читателя, – можно. Усилить образное начало за счет визуальных включений – можно. Положить в основу текста диалог – тоже можно, более того, можно сделать диалогическое начало всепронизывающим, введя в текст элементы интерактивности. Можно не сюсюкать, можно вести разговор обо всем на свете, потому что на самом деле дети все могут понять – своим, особым умом, а что не осознают – то отложится до лучших времен в потаенных кладовых необъятного внутреннего мира.

Кстати, по своему содержанию книга для семейного чтения шьется «на вырост». Она должна быть интересна не только детям, но и взрослым, особенно сегодня. По двум причинам.

Во-первых, кроме того, что мы к зрелому возрасту сами забываем многое из того, что когда-то учили, и отыскивать дополнительную информацию не у всех есть время и желание. А если еще учесть, что выпускники школ начиная с 1990-х годов не блещут образованностью и эрудицией...

Во-вторых, потому, что за прошедшие два десятилетия очень многое изменилось, и родителям, а также их родителям обновить какие-то знания не помешает. Поэтому меня, помню, в рецензии одной учительницы на книжку о Петербурге насмешило возмущенное восклицание: как автор смеет говорить о полуостровах, если мы в первом классе этого еще не проходили!

Думаете, я все это сначала придумала, а потом книжки написала? Ничего подобного. Это я сейчас так умно (надеюсь!) все разложила по полочкам. А почти два десятилетия назад, когда, очертя голову, взялась писать книжку для первоклассников о Петербурге, ни о чем таком и не помышляла. Просто придумала – и не сразу – героев, напоминавших мне мою дочь и внуков, привела их в дом Архивариуса – и они начали

разговаривать. И разговаривали так больше десяти лет. И путешествовали – по временам и пространствам. А я просто взахлеб записывала их разговоры.

Так они наговорили «Путешествия с Архивариусом» - пять книжек для семейного чтения и шестую – для того возрастного перехода от отрочества к юности, когда еще не утрачены детские связи, но уже видятся далекие берега взрослой жизни. Что из всего этого получилось – судить не мне. Впрочем, первая книжка, которая вышла в 1998-1999 годах (разбитая на две части и в таком виде подаренная первоклассникам от лица моего однофамильца губернатора Петербурга А.Яковлева, с которым я так и не имела случая познакомиться), имела успех. Я услышала много добрых слов от коллег, но настоящее чувство гордости испытала после второго издания, случайно наткнувшись в Интернете на замечательную рецензию. Не могу отказать себе в удовольствии привести ее здесь.

В 2003 году Государственная республиканская детская библиотека им. С. Бегалина в городе, который мы привыкли называть Алма-Ата, а теперь называется Алматы, проводила то ли олимпиаду, то ли конкурс сочинений на тему «Русская книга в моей жизни». И опубликовала как одно из лучших сочинение Маши Удод. Хотела просто процитировать – нет, приведу этот отзыв целиком, жаль потерять даже словечко. Так умно, искренне и в точку все сказала эта незнакомая мне девочка из далекого города.

Впервые в Санкт-Петербурге я попала на празднование 300-летия города. Я пробыла в нем всего неделю и многого не успела посмотреть. Чтобы я не расстраивалась, родственники подарили мне прекрасную книгу, которая называется «Санкт-Петербург путешествие через три столетия» Нонны Александровны Яковлевой. Санкт-Петербург Издательский Дом «Литера»2003г. Этому подарку я очень обрадовалась и сразу начала читать эту книгу. Она увлекла меня тем, что на картинках и фотографиях я узнавала знакомые места, вглядывалась в те из них, которые были мне не известны.

С тех пор я не расстаюсь с книгой, вновь и вновь возвращаясь к прочитанным страницам.

Самым увлекательными для меня стали рассказы про петербургских архитекторов и скульпторов, например, Растрелли и Фальконе, истории петербургских дворцов. Как о старых знакомых я прочитала про Эрмитаж, Летний Сад, Царское Село, Петергоф. В белые ночи мы ездили смотреть, как разводят мосты.

Читая о мостах, я всегда вспоминаю это грандиозное зрелище. Эта книга предназначена для семейного чтения, поэтому она интересна людям разных возрастов. По словам автора, книга родилась и воплотилась как добрая память о бабушке, которая рассказывала ей о городе, задавала вопросы, на которые надо было самостоятельно найти ответы. Это общение сформировало такие оценочные суждения, которые помогли впоследствии верно сориентироваться в бездне исторических фальсификаций и искажений.

Главным гидом в книге является Архивариус. Ему помогают на страницах книги Светская дама. Шут, когда мы путешествуем по дворцовым залам, экскурсовод сопровождает нас в Русском музее, солдат рассказывает о днях Великой Октябрьской революции и блокады.

Все в книге рассказано и показано для второклассницы Таты и первоклассника Кирюши. Эти ребята не молчаливые наблюдатели, а активные участники, потому что они коренные петербуржцы, которые знают и любят историю своего города. Всего я насчитала десять героев нашего путешествия, но я бы еще добавила к ним

Александра Сергеевича Пушкина, стихи которого открывают путешествие, сопровождают и завершают его. Я запомнила его стихи, открывающие рассказ о Петербурге:

*Люблю тебя Петра творенье
Люблю твой строгий стройный вид
Невы державное течение
Береговой ее хранит
Твоих оград узор чугунный
Твоих задумчивых очей
Прозрачный сумрак блеск безлунный*

В этой книге отводятся странички с начерченными строчками для того, чтобы читатель мог записать свои впечатления о прочитанном, увиденном. Например, я сделала записи о посещении Петергофа, о времени и месте нашего проживания. Рассказанные Н.А. Яковлевой истории так захватывающи, что мне всегда хотелось побыстрее узнать, что же будет дальше в следующем столетии, потому что автором не только описаны достопримечательности, но и рассказана биография города, представлены люди, усилиями которых Санкт-Петербург стал памятником мировой культуры: Петр Первый, Екатерина, М.В. Ломоносов. Эта книга интересна и полезна самим петербуржцам, а также тем, кто его никогда не видел. Она не только энциклопедически содержательна, но и доставляет большое удовольствие, когда берешь ее в руки: крупный шрифт, яркие рисунки, фотографии, репродукции картин, качественная бумага, суперобложка. Люди, которые ее выпускали, делали это с любовью.

Еще одним достоинством книги является то, что она адресована пытливым и любознательным читателям – Архивариус, сопровождая Кириюшу и Тату по городу, проверяет их на внимательность; назовите адреса, где стояли памятники, например, Крылову; какую достопримечательность огораживает чугунная решетка, показанная на фотографии. Рассказывая об известных фактах, Архивариус задает вопросы детям, чтобы они сами нашли на них ответы. Например, такие: « А вот угадай, Тата, какого адреса не может быть: Санкт-Петербург, Васильевский остров, 5-я линия, дом 5, квартира 5 или Васильевский остров, 4-я линия, дом 4, квартира 4. Каждый из петербуржцев знает, что невозможен ни первый, ни второй адрес! А вы знаете почему? Знаете - так напишите!

Добрый и умный читатель всегда заботится о том, чтобы книга, которую он прочитал, стала достоянием как можно большего круга людей. Поэтому я решила рассказать о своей любимой книге так, чтобы ею заинтересовались, буду надеяться, что мне хоть чуть-чуть это удалось. Я дорожу этой книгой, берегу ее, чтобы она могла стать для всех моих знакомых не только справочником или энциклопедией, а настоящим другом и советчиком, потому что душевное тепло, которое вложили в нее авторы и издатели, останется с вами надолго. Я рада, что на свете есть такие люди, которые очень много знают и создают книги подобные этой. Я коренная алматинка, поэтому мне очень хочется, чтобы такая же книга появилась о моем родном городе.

Мария Удод

Где ты сегодня, Маша Удод, кем стала? Хранишь ли еще мою книжку? Спасибо тебе за добрые слова. Они очень помогли мне в работе. Так же, как помогли замечания первоклассницы Сашеньки Малыхиной из Соснового Бора под Петербургом. Это по ее предложению в третьем издании текст

разделен на главы и сделаны новые иллюстрации. Третий тираж третьего издания Издательский дом Литера выпустил в начале этого года. Впрочем, это не совсем верно: Литера выпустила только первую часть книжки. На вторую не хватило пороку: в издании книжка сложная, в магазинах стоит дорого, потому что посредники увеличивают цену вчетверо, притом издатель клянется, что прибыли почти не имеет. Не знаю, почему. Во всяком случае, не за счет щедрого гонорара автору – гонорар более чем скромный. Но книжка вышла красивая благодаря художнику – Владимир Владимирович Финогенов сделал красивый макет. В интернете рейтинг по трем позициям (текст, оформление, полиграфия) имела 10-9,5 из 10.

В работе над первой книжкой и определились жанровые параметры книжки для семейного чтения, о которых я написала выше.

В последующие годы «написались» еще три книжки – это было путешествие по градам и весям Древней Руси: Северной, Киевской и Державы Московской. Поскольку адресованы они были тем, кто уже научился читать, в центре главок теперь маленькие тексты, после которых идет обсуждение вопросов, на которых следует заострить внимание. Тексты как оригинальные, так и отрывки из летописей, былин, исторических сочинений, Евангелия, житийной литературы. Там есть путешествие в слово и обсуждение имен, посещение музеев и самых достопримечательных мест, рассказы о героях отечественной истории и русских святых. В их числе – замечательные светские люди, кого Церковь никогда не канонизирует, но чья память должна свято сохраниться в памяти народа. И снова – разговоры обо всем на свете. Прежде всего – о том, что такое хорошо и что такое плохо. Об уважении к другим – и о самоуважении. О дружбе и о любви. О братстве трех народов – украинского, русского и белорусского, трех берез, растущих на одном славянском православном корне. Нет, я не стану вводить в книжки «горячий» материал горестной современности. Пусть его пепел останется на страницах газет...

Эти книжки долго не могли найти своего издателя, хотя, казалось бы, отвечали всем требованиям, которые звучали повсюду. Может, я не там искала издателей. Пристраивать свои работы я не мастак.

И все годы писалась еще одна большая книжка для подростков-юношей: Путешествие в страну Бранколини (Италия – Россия). Но о ней позже.

Наверное, и правда ничего случайного в мире не бывает. Дело сдвинулось с мертвой точки, когда я поняла, что следующей в серии должна быть книжка об основах православной культуры.

Как человек православно верующий, я не могла не включать элементы православия в предшествующие книги. Да и как можно рассказывать о Петербурге – и не написать о святом благоверном князе Александре Невском, об апостолах Петре и Павле, о святителе Николае Мирликийском – покровителе моряков, о Ксении Петербургской? Потом, в книге о Северной Руси – о соборах Старой Ладogi, о Тихвинской иконе Богоматери Одигитрии, и Кижах и храмах Новгорода и Пскова? О Белозерской иконе Богоматери? Что же говорить о Киевской Руси? О державе Московской,

которую благословил святой Сергей Радонежский? Православие ложилось в фундамент книжек как духовно-нравственная основа, на которой зиждится «лестница совершенств» - личная шкала нравственных ценностей нормального человека. Так что семя веры, заключенной в пятой книжке, должно было упасть на подготовленную почву.

Сказанное вовсе не значит, что книжки написаны только для верующих, притом для православно верующих. Но ведь спорить с тем, что вся русская культура выросла на благодатной почве православия, может только предубежденный человек. И ни двоеверие, ни суеверия, ни атеистические соблазны тут не аргументы. Просто мы не видим этой православной основы всей нашей жизни, как не видим и не чувствуем воздуха, которым дышим. До поры, пока не начнем задыхаться от его недостаточности или загрязненности. Я часто вспоминаю, как отец Михаил – настоятель церкви св. Иоанна Кронштадтского в Автово показал мне, исконной учительнице литературы, не раз и не два «проходившей» в школе «Капитанскую дочку» Александра Сергеевича, что эта повесть есть прежде всего и более всего полнейшее и чистейшее воплощение православной духовно-нравственной идеи, а вовсе не только сочинение о классовой борьбе в России ХУШ века или о «русском бунте – бессмысленном и беспощадном».

Я писала эти книжки как для верующих, так и для неверующих, для иудеев и для мусульман, потому что культура она потому и культура, что помогает взрастить из личинки личность. Культура православная, культура мусульманская, культура городская и деревенская, русская и европейская. Мне русская и православная ближе, они для меня родные, о них и о культуре моего города – Петербурга я и пишу. О других пусть пишут другие.

Потому логическим продолжением (завершением?) серии для домашнего чтения стала книжка «Путешествие с Архивариусом по дороге, ведущей к храму». Она по-прежнему должна быть (хотелось бы, чтобы была!) для всех, кому интересно про это читать, но есть у нее и особый круг читателей, мне как автору особенно близкий.

Это те, кто стоит на пороге храма.

Согласитесь, сегодня большая – на каком слогe ни поставь ударение – часть жителей России относит себя к числу православных потому, что хочет быть православной, носит на груди крест, многие и крестились взрослыми, они хотят растить своих детей и внуков в вере предков своих. Но совершенно неслучайно в последние годы получило широкое распространение понятие «воцерковленный». Есть даже попытки определить это понятие и попытки с ним бороться. Некоторым людям оно кажется даже оскорбительным, поскольку проводит некую демаркационную черту между верующими первого сорта – воцерковленными и всеми прочими. Похожее деление было некогда, на заре христианства, когда были *оглашенные*, но еще не принявшие крещения. Различие между оглашенными и невоцерковленными даже не в том, что оглашенным человек оставался до момента крещения, а наши невоцерковленные обычно люди крещеные. В христианской общине оглашенные были окружены заботой, добротой, любовью, их бережно вели к

принятию таинства крещения. К нашим «невоцерковленным» относятся с пренебрежением разной степени выраженности. Как правило, в воскресные школы ходят дети, а родители – да родители не знают, за что хвататься по воскресеньям! Если есть время – идут в церковь на службу, чаще всего по большим праздникам, покупают и ставят свечи, усердно вслушиваются в смутно угадываемые слова молитвы, а чаще просто думают о своем, терпеливо повторяя поклоны и крестное знамение за другими, более просвещенными молящимися.

Я внимательно наблюдаю за тем, как меняется сам дух постоянных приходов. В тех церквях, где чаще всего бываю. Две сельских, две петербургских городских. За последние годы прихожане во всех четырех сплотились, служба идет не просто благочинно – это воистину соборное богослужение. В одном из храмов практически всю службу прихожане поют вместе с хором. Но... это все же несколько десятков человек на тысячи и даже десятки тысяч окрестных жителей – небольшое сплоченное православное братство. Нет, я не о том, что нужно привлекать в храмы больше верующих. Я о тех, кто хотел бы войти в храм, но пришел раз, пришел другой... Все непонятно, бабушки смотрят косо на брюки, молча суют платки в руки – накройся!..

В школах ввели основы религиозной культуры. Некоторые ждали чуть ли не детских религиозных войн – а вышло иначе: большинство родителей записало ребят на светскую этику. Не хотя вести в православие? А может, просто сами не подготовлены к нему?..

Не знаю. Не берусь судить о том, чего сама не исследовала. Но вот получилось так, что герои мои пошли по дороге, ведущей к храму. И зовут за собой не только детей, но и родителей. Дедушек и бабушек, которым будет интересно – я уверена! – то, о чем говорят мои герои. Мам и пап, которые едва ли знают все то, что написано и изображено на страницах этой книги. Потому что я писала о том, что сама узнавала, до чего доходила своим умом всю вторую половину своей жизни. Что вызывало у меня самой, стоящей на пороге храма, жгучий интерес, изумление, восхищение. Кстати, я уверена в том, что человек я православно верующий, а вот могу ли считать себя воцерковленной или нет – не знаю до сей поры...

Получилось в книжке 24 главы. Первые 12 – это разговоры о Ветхом Завете. Последующие – о Новом Завете. Но не подумайте, что это вариант Библии для детей. Это снова диалоги – о вере и неверии, о свободе воли и долге, о грехе и праведности, о Христе и тех истинах любви жертвенной, которые Он принес миру. Это не катехизис, потому что разговор идет о культуре, в которой отразились все эти истины. И притом в основном – на материале изобразительного искусства. Имена Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэля соседствуют с именами Рублева, Дионисия Александра Иванова. Потому что сопоставление «Страшного Суда» из Сикстинской Капеллы со «Страшным Судом» из Успенского собора в городе Владимире может создать представление и об учении Христовом, и о различиях католичества и православия едва ли не более полное и наверняка

более яркое, нежели самые умные лекции культуролога или богослова (да простят меня высокоученые собратья!)

Наверное, не случайно пятая книжка оказалась опубликованной вслед первой. Сначала – в журнальном варианте в одном из самых толерантных наших журналов «Наука и религия». Тексты в этом варианте были ужаты и приобрели довольно аскетичный вид и звучание. Но эта публикация и отклики на нее подтвердили мою правоту: книжка для семейного чтения должна быть интересна не только для детей, как детская, но и для взрослых. Особенно такая, как эта – моя пятая. И особенно сегодня.

В главах «Путешествия по дороге, ведущей к храму» собраны основы основ тех знаний, которые так нужны стоящему на пороге храма. Герои обсуждают те проблемы, которые вставали передо мной, - одна за другой, и далеко не все были мною разрешены. Архивариус и Бабушка, которая пришла в этой книжке ему на помощь, не пытаются строить из себя всезнаек, не стараются разъяснить все и вся, потому что «мир издревле и посейчас – таинственный сад камней», и непознанное остается безбрежным для человека до самой последней минуты его жизни. Непознаваем мир и непознаваем Господь. Это нужно понять самому и помочь понять другим...

Словом – я сделала, что смогла. Пусть кто-то сделает больше и лучше. Если буду жива – порадуюсь и поздравлю.

Итак, в заключение.

Московское издательство ЭЛИТ при материальной поддержке одного из мощных православных фондов готовит к изданию «Путешествие по дороге, ведущей к храму». С очень милыми рисунками молодой художницы Дарьи Ивановой, в оформлении прекрасного дизайнера Виктории Каретниковой. Если основную часть тиража удастся реализовать оптом и без грабительских наценок – можно будет издавать одну за другой «срединные» книжки серии.

И останется только одна – самая большая, самая красивая книжка – «Путешествие в страну Бранколини». Но о ней в следующей статье. А здесь – первая глава «Путешествия по дороге, ведущей к храму».

Вечер первый.

О том, что есть вера и всегда ли у человека есть свобода выбора

Заставка: Кабинет Архивариуса с книжными полками и лампой на столе, заваленном бумагами. На старом диване Архивариус и повзрослевшие Тата-пятитиклассница и четвероклассник Кирюша.

В тексте: Кирюша перед пятью дверьми, на каждой из которых написано: Класс православной (католической, мусульманской, еврейской культуры, этики).

Голгофа (западно-европейская картина)

Православный нательный крест

Цветок о пяти лепестках и цветок о четырех лепестках (пятый оборван)

Архивариус: Ну что же, дорогие мои, лето прошло, и мы с вами снова в моем кабинете, на том же старом диване. Только теперь вы уже совсем большие – Тата в пятый класс отправляется, а Кирюша – солидный четвероклассник. **Кирюша:** Я тоже в будущем году с младшей школой попрощаюсь. У меня тут даже проблема появилась, вот посоветоваться хочу...

Архивариус: Что за проблема? Мы с Татой всегда готовы обсудить любую проблему с вами вместе.

Кирюша: Да вот у нас на будущий год вводят новый предмет, но только нужно выбрать, какой именно...

Архивариус: Вот как интересно! Это факультатив, что ли?

Кирюша: Да нет, факультатив – это хочешь – ходи, не хочешь – не ходи. А у нас – предмет обязательный, вот только можно выбрать, в какой из классов ты ходить будешь.

Архивариус: В наше время такого не было. И что за предмет?

Кирюша: Ну, это, в общем, изучать культуру – православную, или мусульманскую, или католическую, или еврейскую... А если не хочешь – то эту, как ее, этику – то есть как себя нужно вести...

Тата: А в чем проблема? И у нас это вводят.

Кирюша: Ну и что ты выбрала?

Тата: Конечно, православие! Мне очень даже интересно!

Кирюша: А почему?

Тата: Ну как почему? У меня же вся семья и все предки – православные. Летом на даче я в воскресную школу ходила. Отец Валерий очень интересно нам все рассказывал – и про Иисуса Христа, и про апостолов... В Петербурге я с бабушкой на исповедь хожу к отцу Михаилу, в церковь Иоанна Кронштадтского, что на проспекте Стачек. А летом отцу Валерию исповедовалась. Так что у меня никакой проблемы нет.

Кирюша: Хорошо тебе! А мне батя сказал: «Выбирай сам. Я, - говорит, - на этику бы пошел, которая для неверующих. Очень полезный предмет!» А меня в разные стороны тянет. Вон Алимка в свой класс зовет, в мусульманский, говорит, очень интересно, у них учитель из Татарстана будет в нескольких школах уроки вести.

Архивариус: Учитель что - муфтий? То есть священнослужитель мусульманский?

Кирюша: Да нет, он просто учитель, историк, поступил в аспирантуру по культуре и из Казани к нам перебрался на целых три года. Алимка говорит, он веселый и рассказывает очень интересно про Магомета – это пророк такой мусульманский, и про Коран – их священную книгу, и про то, что мусульмане против терроризма, они тоже за то, чтобы все дружили и уважали друг друга. Он с ребятами встречался и записывал их на свои уроки. А Мишка к себе на уроки еврейской культуры звал, говорит, она куда более древняя, чем христианство. И ребе у них такой хороший, мне его Мишка показывал. Они знаете как Библию – это их главная книга - изучают! Просто наизусть шпарят целыми страницами, честное слово... Правда, преподавать-то тоже будет учитель, но он ученик этого ребе и тоже много чего знает. А еще подружка – Марианка – зовет изучать католическую культуру! Это же и Италия, и Франция, и Германия. Там столько памятников искусства! Ой-ей-ей! Вот и не могу решить, что мне делать, куда идти...

Архивариус: А когда вам, Кирюша, надо выбрать окончательно? Ведь учебный год уже начался.

Кирюша: Да нет, время у меня еще есть: этот предмет введут у нас вроде бы на будущий год...

Тата: Слушай, Кирюша, да ты у нас просто как князь Владимир – будешь веру выбирать! Помнишь, мы об этом говорили, когда в Киевскую Русь отправились?

Кирюша: Не веру, а культуру! Ну, в общем-то, про князя помню, правда, не очень хорошо. Только он ведь был князь, он за всю Русь решал, а мне за себя решить надо, и я не знаю... Мне про все узнать хочется, про разные культуры...

Архивариус: Ну, Таточка, начнем с того, что Кирюше предстоит, действительно, выбирать пока не веру, а просто тот раздел истории культуры, который основан на одной из мировых религий. И тут нужно просто подумать – о чем интереснее и полезнее всего узнать в начале жизненного пути. Но при этом не стоит забывать: первые шаги нередко определяют направление всей жизни. А с таким предметом, как вера, – особенно. Ну, о иудаизме – так называется религия евреев, католичестве и мусульманстве вам лучше поговорить с кем-то иным, я вам не помощник, тут у вас могут быть гораздо лучшие учителя – ведь, наверное, они будут проводить какие-то предварительные занятия. А вот христианская культура – это мое. Да ведь именно ею мы с вами все эти годы и занимались. Вообще-то имейте в виду – вся русская культура, начиная с X и по самый XX век – развивалась на корнях православия. Если хорошенько вглубь заглянуть, то православие с его главными духовными истинами и нравственными ценностями и в фундаменте русской – и советской – культуры XX века обнаружишь. Был, к примеру, когда-то составлен так называемый Моральный кодекс строителя коммунизма. Так вот в основу его были положены евангельские заповеди – не много не мало. Не говорю уж о сегодняшнем дне, когда русские люди возвращаются к вере своих пращуров. В прошлые годы мы с вами говорили в основном о плодах православной культуры и об их общечеловеческом значении. Если хотите, мы можем продолжить наши встречи и поговорить о духовной сущности христианской, и притом – православной культуры.

Тата: Конечно, я очень хочу. Господин Архивариус, да что вы с ним разговариваете! Ты, Кирюша, сам не понимаешь, о чем говоришь! Какой ты мусульманин или еврей – с твоим-то носом картошкой! У тебя что, в роду еврей или там татары были? Или, может, католики? Ты просто обязан быть православным христианином – вот тебе мое мнение! Ты же просил тебе посоветовать! Вот я тебе и советую: не ломай голову, записывайся на православную культуру – и все! Тем более что ты о ней уже кое-что знаешь! Зря мы, что ли, эти годы занимались, по Древней Руси путешествовали?.. Или ты больше не хочешь с нами дружить и путешествовать?

Кирюша: Ты чего наезжаешь-то? И дружить хочу, и путешествовать готов. Имею я право подумать?..

Архивариус: Ох, Тата-Тата! Сколько горьких минут в жизни доставит вам ваша категоричность и желание всем навязать свое мнение – если, конечно, вы не откорректируете свой характер! Да разве так можно? Придется вам покаяться отцу Михаилу на исповеди, обязательно ему все расскажите, он, я думаю, вас не похвалит!

Тата: Почему это? Я ведь хочу, чтобы Кирюша принял правильное решение и потом стал, может быть, православным! Что тут плохого?

Архивариус: Ну, во-первых, вы, барышня, с Кирюшей говорили в совершенно неподобающем тоне. Согласны?

Тата: Ну, это потому, что мне очень хотелось его убедить!..

Архивариус: Вот-вот: *убедить*. От какого слова этот глагол происходит?

Кирюша: От не очень-то хорошего – *беда*! Вот, значит, как! Ты со мной говорила, а сама о бедах думала!

Архивариус: Ну, такие вещи мимо сознания проходят. Однако само слово о многом говорит, оно, как сказали бы искушенные в психологии люди, симптоматично: указывает на нечто скрытое даже от самой Таты. Вот как высокая температура – симптом того, что вы заболели. А между тем есть синоним этого слова, но гораздо более мягкий и уместный. Какой, кто догадается?

Кирюша: *Уговорить*? Так чего меня уговаривать-то, я сам решу, я же просто совет хотел услышать!

Архивариус: Да нет, уговорить – это не совсем то слово, которое мне хотелось бы услышать от Таты.

Тата: Я поняла – это глагол *уверить*! От слова *вера*! Правильно?

Архивариус: Конечно! Ведь и князь Владимир пришел к христианской вере потому, что его *уверяли* и он *уверовал*. Очень важно, чтобы человек сам принял решение. Это один из главных принципов православия, на котором держится Истина, принесенная людям Спасителем. Она обозначена даже в главном символе христианства – восьмиконечном кресте.

Кирюша: Как это?

Архивариус: А вот вы вспомните православный восьмиконечный крест. Что он символизирует, этот крест, который мы, крещеные люди, носим на груди?

Кирюша: На кресте был распят врагами Иисус Христос.

Тата: Потому что Он учил всех любить друг друга и быть братьями.

Архивариус: Ну, понятие «враги» требует дальнейшего уточнения, а относительно факта – в общем верно. Знаете ли вы, что на Голгофе – горе неподалеку от Иерусалима, где происходила казнь, - стоял не один, а три креста? По бокам от того, на котором был распят Спаситель, принимали свои муки два грешника, два разбойника. Казнь на кресте – мучительная, страшная. Ведь гвозди вбивают в живое тело, а главное, распятому – висящему на этих пробитых руках и ногах человеку, - трудно дышать. Это такие страдания, которые были невыносимы даже для самого Спасителя...

Кирюша: Так ведь Он – Бог, что же, Он не мог сделать так, чтобы не мучиться? Раз - и все! Вон даже экстрасенсы или йоги могут так сделать, чтобы боли не чувствовать!

Тата: Ну и глупый ты, Кирюша! Все наши разговоры забыл! Он же пришел на землю именно для того, чтобы пострадать за людей! Своей смертью и воскресением *уверить* их в истине Своего учения! Ой, я поняла: Он был свободен в выборе, Сам это решение принял, Сам пошел на казнь – добровольно! Поэтому крест – символ свободы человека!

Архивариус: Вы правы, Тата. А вы, Кирюша, оказались солидарны с теми, кто осыпал распятого Спасителя бранью и говорил, насмехаясь: «Вот тот, кто других спасал, а Самого Себя не может спасти! Ведь Он говорил, что Он Сын Божий, так пусть сойдет с креста – и мы тогда уверуем в Него!»

Кирюша: Да я же не насмеялся! Просто подумал – зачем Богу такую боль терпеть?..

Архивариус: Но есть в том символе, который мы носим на груди, одна деталь, утверждающая, что *каждый* человек может свободно выбрать свой путь и свою судьбу. Можно мне продолжить?

Тата: Извините, мы вас перебили!

Кирюша: Я не хотел так... с врагами...

Архивариус: Конечно, Кирюша, это оттого, что вы еще многого не понимаете. А я имею в виду нижнюю – косую - перекладину креста. Она напоминает верующим о том, что распятые рядом со Спасителем разбойники повели себя по-разному. Евангелисты Матфей и Марк пишут, что они поносили Иисуса, а Лука рассказывает о них иначе. Да вот давайте я лучше прочитаю вам этот эпизод из *Евангелия от Луки*:

...Один из повешенных злодеев злословил Его и говорил: если Ты Христос, спаси Себя и нас.

Другой же напротив унимал его и говорил: или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же?

И мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли, а Он ничего худого не сделал.

И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда придешь во Царствие Твое!

И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю.

Тата: Да, я вспомнила! Этот был справа, потому перекладина креста справа приподнята и указывает путь в рай, а для левого – в ад, вниз! Мне же бабушка об этом говорила!

Архивариус: Совершенно верно. Но самое главное – это то, что решение каждый из разбойников принял свободно, никто его не уговаривал, не убеждал и даже не уверял! И страдали они одинаково. Забегая немножко вперед, хочу вам сказать нечто очень-очень важное: Божий Сын пришел на землю именно для того, чтобы указать людям путь спасения и дать им свободу выбора. Кстати, в православии этот принцип соблюдается очень строго. Можно говорить людям об истинах своей веры, но ни в коем случае

не неволить их, не заставляя принять ее. У меня была интересная встреча в Риме. Довелось мне присутствовать на свадьбе нашего молодого ученого-физика и милой итальянской девушки. Зашел разговор о вере, и молодой человек заявил, что в его картине мира нет места Богу.

Тата: Как это?

Кирюша: Что это за картина мира?

Архивариус: Простите, друзья, может быть, это сложновато для вас, но я попытаюсь объяснить попроще. У каждого из нас в течение жизни складывается представление о мире, в котором мы живем. Такая картина, в которой есть все, что мы видели, поняли и оценили.

Кирюша: Ну да: вот я в центре этого мира – в общем пуп моей земли, а вокруг меня мой дом, моя семья, дальше моя улица, мои друзья, потом мой город и мои земляки и так далее и так далее. В конце – моя планета Земля и вселенная. Все! Я помню, мы об этом уже говорили.

Архивариус: Совершенно верно. Только вы еще забыли, мне кажется, своего хомячка Бусю и кролика, который живет у вашей бабушки в деревне, а еще тот растительный мир, который нас окружает. Если все это собрать и соединить в какие-то группы, то получится, что ваша картина мира состоит из самого **человека**, всех остальных людей – более близких человеку и более далеких, то есть **общества**, начиная с семьи и кончая всем человечеством. Из мира предметов, которые помогают людям выжить и которые созданы руками людей – назовем все это **цивилизацией**. Из мира **природы** нерукотворной - не руками человека сотворенной. Можно этим и ограничиться, как тот молодой человек. Но очень многие люди, да, я полагаю, большинство живущих на земле верит в то, что кроме этого сотканного из материи – материального мира, предметы которого можно потрогать, увидеть, услышать, понюхать, наконец, лизнуть, существует мир невидимый и неосязаемый, который можно только почувствовать каким-то особым образом. Этот мир называют **духовной реальностью**. Она существует по своим законам, в ней иные представления о пространстве, в нем царит не время, в Вечность. И главное, в этом духовном пространстве присутствует Бог. Само это духовное пространство ощутить своими пятью чувствами человек обычно не может, как не может увидеть Бога, но Он дает нам знать о Своем присутствии особым образом, проявляясь в реальном мире.

Кирюша: Как это?

Архивариус: По-разному. Самые простые проявления – это то, что называют чудесами, – такие видимые, слышимые, словом, воспринимаемые чувствами человека явления, которые не поддаются объяснению земными законами.

Кирюша: А может, мы этих законов просто не знаем! Вот покажи телевизор Илье Муромцу – он же в обморок упадет, даром что богатырь. И причем тут Бог?

Архивариус: Конечно. Но есть и такие факты, которые объяснить иначе, как проявлением Божественной силы, невозможно. Вот, к примеру, видение креста императору Константину Великому.

Тата: Ой, расскажите, пожалуйста, это же очень интересно!

Архивариус: Непременно, но в следующий раз. Сейчас позвольте мне все-таки вернуться к разговору с молодым русским физиком на его свадьбе в Риме. Так вот он, напоминая, сказал, что в его картине мира нет места Богу. Я, конечно, мог возразить ему и сказать, что в таком случае, по-моему, его картина мира неполна, более того, ущербна. Но я не стал говорить этого и сказал, что у каждого своя картина мира и что, возможно, он когда-нибудь изменит свое представление о мире.

Тата: А почему вы не попытались разувердить... то есть разуверить его?

Архивариус: Странно, но тот же вопрос мне задала его невеста – милая итальянская девушка, своей категоричностью напомнившая мне вас, Таточка. Чуть ли не с обидой она сказала мне: вы, мол, должны желать ему добра, а значит, пытаться обратить в свою веру! Вот тут я и возразил ей: православие не считает возможным никому насильно и вообще агрессивно навязывать свою веру. Каждый приходит в храм сам, свободно, по своей дороге. И эта дорога может быть длинной или короткой, выбор ее может быть простым и светлым, вот как у Таты, – ей эту дорогу проложили ее предки...

Кирюша: А у меня, значит, более темная? Ничего себе!

Тата: Во всяком случае, более длинная. Ты же пока ничего не решил... Но ты хоть с нами-то встречаться дальше будешь?

Кирюша: А куда ж я без вас? Я уже привык с вами путешествовать. Да и о Константине Великом и о других чудесах хочу послушать, вы ведь о них говорить в следующий раз собираетесь. Мне про чудеса очень даже интересно! Только я все-таки и на другие собеседования схожу... А потом уж буду решать, что выбрать.

Архивариус: Конечно, Кирюша, вас же никто не неволит. Если вам станет вдруг скучно, вы просто с нами попрощаетесь.

Кирюша: Насовсем? Я не хочу! Мы же друзья!

Архивариус: Конечно, нет. Будем встречаться, ходить в музеи, ездить за город. Просто на эти наши с Татой встречи вы ходить не будете. С Татой собирается ходить ее младшая сестренка и бабушка, так что у нас все равно будет компания.

Кирюша: Да нет, я схожу... А там посмотрим. Значит, в следующий раз о чудесах? Так я приду! Спасибо. До свидания. Сегодня было интересно.

Тата: До свидания! А в следующий раз я приду уже не одна!

Архивариус: Ну, до свидания, друзья. До встречи! Хочу, как всегда, предложить вам

Задание: Подберите однокоренные слова, синонимы и антонимы к слову ВЕРА и выпишите из словарей их значение.